

УДК 165:159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

Поступила: 13.09.2023

Принята: 30.11.2023

Опубликована: 22.12.2023

ПРАКТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПОСТКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

*Сатыбалдина Диана Кайратовна**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

В данной статье предпринимается попытка осмысления практик человека в постконфликтной ситуации в рамках пространственно-ориентированного подхода. Традиционные методы осмысления конфликтов, например, исследования травмы, акцентируют внимание на психоэмоциональном состоянии участников конфликта. Опираясь на работы А. Лефевра, М. де Серто и Г. Башляра, автор предлагает рассмотреть данную проблему в философско-антропологическом ключе, позволяющем выявить отношения между опытом постконфликтной ситуации и повседневным пространством индивида. Рассматривая пространства постконфликтной ситуации как «неместа» и исходя из теоретического подхода М. де Серто, автор предлагает несколько тактик пребывания и адаптации человека к постконфликтной ситуации. Автор полагает, что основных тактик такого рода две: это «тактика неподвижности» и тактика «временной укорененности». «Неподвижность» понимается как право индивида на несовершенство действия, как возможность если не сформировать, то осмыслить вероятности конструирования «здесь и сейчас» новых пространственных связей. Кроме того, «неподвижность» рассматривается автором как возможность перейти к следующему шагу — «временной укорененности». Такая укорененность характеризуется более устойчивыми границами и пространственными практиками, которые позволяют воспроизвести «домашние» практики, и тем самым найти психоэмоциональную и даже физиологическую устойчивость в новой постконфликтной повседневности. Возможность воспроизведения элементов старого доконфликтного существования задает перспективу существования в новой реальности.

Ключевые слова: место, дом, неместо, конфликт, постконфликтная ситуация.

Для цитирования:

Сатыбалдина Д.К. Практики пространственного существования человека в условиях постконфликтной ситуации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 527–535.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

Received: 13.09.2023

Accepted: 30.11.2023

Published: 22.12.2023

THE PRACTICES OF HUMAN SPATIAL EXISTENCE IN A POST-CONFLICT SITUATION

*Diana K. Satybaldina**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)*

This article attempts to develop understanding of human practices in a post-conflict situation within the framework of the spatially oriented approach. Traditional methods of understanding conflicts, such as trauma studies, focus on the psycho-emotional state of the participants in a conflict. Based on the works

of A. Lefebvre, M. de Certeau and G. Bachelard, the author proposes to consider this problem in a manner of Philosophical Anthropology, which allows us to identify the relationship between the experience of a post-conflict situation and everyday space of the individual. Considering the spaces of a post-conflict situation as «non-places», and based on the theoretical approach of M. de Certeau, the author proposes several tactics for a person's staying and adaptation to a post-conflict situation. The author believes that there are two main tactics of this kind: the «tactics of immobility» and the tactics of «temporary rootedness». «Immobility» is understood as an individual's right not to act, as an opportunity while not to form but to comprehend the probabilities of constructing new spatial connections «here and now». In addition, «immobility» is considered by the author as an opportunity to move on to the next step — «temporary rootedness». Such rootedness is characterized by more stable boundaries and spatial practices that allow us to reproduce «home» practices, and thereby find psycho-emotional and even physiological stability in the new post-conflict everyday life. The possibility of reproducing elements of the old pre-conflict existence sets the prospect of existence in a new reality.

Keywords: place, home, non-place, conflict, post-conflict situation.

To cite:

Satybaldina D.K. [The practices of human spatial existence in a post-conflict situation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 4, pp. 527–535 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-527-535>

Когда мы обращаемся к исследованиям пост-конфликтных ситуаций, в большинстве работ по этой теме мы встретим исследования в аспекте травматического или посттравматического опыта, а также исследования, демонстрирующие географические, миграционные или, иными словами, количественные характеристики изменений социального и политического пространства. Классическое понятие травмы сфокусировано на двух основных аспектах: с одной стороны, на том, как травма влияет на жертву, повторно вторгаясь в ее память, сказываясь на ее поведении, а с другой, в «невозможности памяти» в принципе [Айерман Р., 2013, с. 122]. В свою очередь, когда речь заходит о культурных травмах, следует отметить, что они не являются вещами. Они представлены различными процессами производства смыслов и атрибуций, противоборством индивидов и групп, в котором эти группы не просто обозначают ситуацию, но и пытаются найти для нее способы контроля и управления. В случае травмы всегда имеет место происшествие сильного, шокирующего характера, которое вызывает мобилизацию мнений и эмоций. Культурная же травма представлена двумя измерениями: эмоциональным опытом и реакцией интерпретации [Айерман Р., 2013, с. 124]. Подход в рамках данной теории сфокусирован на анализе и рефлексии опыта и эмоций, позво-

ляя сформировать представление об идентичности людей и социальных групп после и во время травматического опыта [Аникин Д.А., Головашина О.В., 2017]. Однако при таком подходе не всегда можно проследить, каким образом человек конструирует свою постконфликтную повседневность, а также каким образом социум решает проблему необходимости и возможности формирования нового человека в новой реальности. В выявлении и понимании содержания соответствующих человеческих, социальных практик и состоит основная цель данной статьи.

Если мы обратимся к историческим исследованиям переживаний, мемуаризации и описанию конфликтных и постконфликтных ситуаций на примере вынужденных перемещений в СССР, то обнаружим, что их разделяют на советский и постсоветский периоды. Так, исследователями отмечается, что, например, работы о проблемах депортации народов в советский период чаще публиковались за рубежом, «так как в Советском Союзе эта тема была под запретом до середины 80-х гг. XX века» [Макалов Т.Ж., Шотбакова Л.К., 2022, с. 136]. Также следует отметить, что одним из важных вопросов, на которые пытались ответить данные исследования, были определение депортаций [Кропачев С.А., 2011, с. 101] и выявление инструментов, которые использовали власти для

«адаптации» или «интеграции» этих народов в новой среде. Например, в работах Н. Неймарка, посвященным изучению особенностей депортации чеченцев, ингушей и крымских татар, отвергается версия о «геноциде» этих народов советским правительством. Автор интерпретирует действия властей как попытку перевоспитания с целью отречения от национальной культуры, традиций и даже от родины. Представители указанных народностей рассматривались как «человеческий материал», который нужно было сохранить, а вот понятия нации у них должно было исчезнуть через ассимиляцию и отрыв от корней [Макалов Т.Ж., Шотбакова Л.К., 2022, с. 138]. При этом большой объем научных трудов посвящен непосредственно формированию и особенностям послевоенной историографии как в странах участниках военных конфликтов (и Второй мировой войны в частности), так и их соседей.

Для нас же важно отметить, что за время своей жизни человек неизбежно проходит через множество конфликтных ситуаций. В том числе через конфликтные ситуации, которые затрагивают не только отдельных индивидов, но и целые сообщества, однако существенным отличием межгрупповых социальных конфликтов является неизбежное и существенное изменение повседневной жизни человека. Георг Зиммель отмечал, что «конфликт — это принцип связи и принцип изменения культурных форм» [Черепанова Е.С., 2016]. Для наших дальнейших рассуждений важно отметить, что подобные культурные формы могут иметь различные репрезентации: это и быт, и язык коммуникации, и потребление, и дом. В данной работе мы будем исходить из того, что, будучи финальной стадией конфликта [Абакумова И.В., Рядинская Е.Н., 2016], постконфликтная ситуация представляет также и этап формирования нового социального пространства и находит выражение в том числе и в культурных формах. Таким образом, целью данного небольшого исследования является следующее: имеет ли постконфликтная ситуация особое пространственное выражение, и какие повседневные практики характерны для человека в подобных обстоятельствах. Объектом исследования в данном случае выступает социальное пространство постконфликтной ситуации, а предметом исследования является проблема переживания

человеком кризиса вынужденного пространственного перемещения.

Повседневность человека связана с устоявшимися практиками и нормами, которые находят воплощения в локальных проявлениях. Чтобы понять, каким образом постконфликтная ситуация выражается в повседневном социальном пространстве жизни человека, нам в первую очередь следует обозначить основные топологические формы, которые предоставляют собой устоявшиеся повседневные практики, и которые могут трансформироваться вследствие конфликтной ситуации. На наш взгляд, подобными формами локальности могут служить «места» и «дом».

В современной гуманитарной науке понятие «места» имеет свою историю описания и исследования. Исключая чисто топологический и географический подходы, мы остановимся на понимании места как пространства опыта и переживаний. Еще Анри Лефевр отмечал, что, несмотря на абстрактность, репрезентации пространства входят в социально-политические практики и воплощаются в конкретных пространственных формах. Эти формы не просто репрезентированы, они в первую очередь переживаются, а не осмысляются индивидом. Их не ограничивает ни когерентность, ни связность. Это пространство высказывает себя через предметы и вещи, «у него есть ядро или эмоциональный центр — Эго, постель, комната, квартира или дом; площадь, церковь, кладбище. Оно включает локусы страсти и действия, локусы пережитых ситуаций, а значит, сопряжено со временем. Тем самым оно может получать различные качественные характеристики: направленное, ситуационное, реляционное, потому что по сути своей оно является качественным, текучим, динамичным» [Лефевр А., 2015, с. 55]. В свою очередь, Дж. Урри, анализируя работы М. Хайдеггера, отмечает, что для немецкого мыслителя «“проживать” означало жить в покое, быть довольным и находиться дома в каком-то месте» [Урри Дж., 2012, с. 110], а А.Ф. Филиппов подчеркивает, что место — это проживаемая форма пространства, которое имеет ясное направление. Субъект не просто представлен телесно, он, очевидно, существует здесь и сейчас, в конкретной точке, «в отличие от всякого там» [Филиппов А.Ф., 2008,

с. 198]. Таким образом, мы можем отметить, что повседневность человека состоит не просто из пребывания в каких-то абстрактных пространствах городов или государств, но представлена существованием в определенных местах, репрезентированных и сформированных опытом человека, отчего они обретают индивидуальную значимость.

Важно отметить, что местом с глубоко выраженной психоэмоциональной и личной связью для человека становится дом. Это место наделяется сакральными смыслами, а предметы родного, близкого и постоянного быта даже могут обретать абсолютизированные формы. Подобные рассуждения приводит А. Лефевр, комментируя «Поэтику пространства» Г. Башляра и называя их даже ««топофилией» пространства репрезентации». Он отмечает, что по Башляру содержимое дома, выраженное в предметах быта, таких как гардеробы и комоды, кровати и диваны, возносится до практически онтологических высот. Сам же дом наряду с человеком принадлежит и космосу, «весь, от погреба до чердака, от фундамента до крыши, он обладает плотностью, одновременно сновиденной и рациональной, земной и небесной. Отношения между Жилищем и Эго близки к тождеству» [Лефевр А., 2015, с. 129–130]. Этой идее по Лефевру в некоторой степени противостоит М. Хайдеггер, для которого подвижность, перемещение и бродяжничество противостоит Жилищу. «Эти положения почти тавтологичны и мало что добавляют к великолепной, но загадочной формулировке: “Обитать есть фундаментальная черта бытия и всего сущего в нем”. А язык есть не что иное, как Жилище Бытия» [Лефевр А., 2015, с. 130]. Перемещение и мобильность в принципе может рассматриваться исследователями как «своего рода пробел (*blank space*), выступающий в качестве альтернативы для места, ограниченности, оснований и стабильности» [Cresswell T., 2006, p. 1–2]. В ключе философской антропологии стоит отметить идею Г. Плеснера о том, что для человека в принципе сокрыто его собственное бытие. В этом выражена ограниченность его животной организации. Его телесность дана в отношении некоторой срединной позиции, «в абсолютном “здесь” – “теперь”» [Плеснер Х., 2004]. Таким образом, именно некоторая локальность, расположение в пространстве является существен-

ной формой самовосприятия человека, более того «человек подчинен закону эксцентричности, по которому его бытие в “здесь” – “теперь”, то есть его растворение в переживании, больше не совпадает с точкой его существования» [Плеснер Х., 2004, с. 290], что еще раз подчеркивает, что пространственное восприятие человека связано с переживаниями и эмоциональным выражением.

Крупные конфликты, такие как мировые войны, миграционные кризисы, поствоенная оккупация, в процессе своего развития и существования приводят, на наш взгляд, к появлению так называемых «немест». Как от изменения повседневной жизни в тылу, так и непосредственно в пространстве боевых действий привычные «места» трансформируются, разрушаются или исчезают в своем материальном воплощении. «Дом» как особая форма локализации человека может подвергаться не только трансформации, но и исчезнуть в принципе, а участники конфликта могут быть перемещены на новое «место» во всех смыслах данного термина. В такой момент индивид оказывается в «неместах», которые характеризуются минимизированным социальным взаимодействием. В «неместах» никто не должен вести себя как дома, и, более того, зачастую не имеет для этого возможности. «Неместо» — это «пространство, лишенное символических выражений идентичности, отношений и истории: примеры включают аэропорты, автостреды, анонимные гостиничные номера, общественный транспорт» [Бауман З., 2008, с. 111–112]. Это транзитное лиминальное пространство, которое исключает регулярный повторяющийся опыт и возможность полноценно воспроизводить привычные повседневные практики. В связи с этим мы можем зачислить в ряды «немест» и центры временного размещения беженцев, и окопы, и различного рода укрытия, и транспортные средства для перемещения беженцев и эвакуированных людей. Из рассуждений З. Баумана в «Текущей современности» [Бауман З., 2008] можно сделать вывод, что «неместа» являются местом борьбы личного и социального с незначимым, нейтральным и нивелированным. Извлечение из привычных паттернов поведения в таком пространстве может привести к неожиданной и непредсказуемой реакции, что способ-

ствуется формированию практик, позволяющих оставаться в зоне внутренней безопасности.

Если закономерным итогом включения в военный конфликт или миграционный кризис становится потеря «дома», своего «места» и пребывание в «неместах», то очевидным становится необходимость адаптации к ситуации конфликта и появления форм пребывания в постконфликтной ситуации. Исходя из пространственно-ориентированного подхода, мы можем обратиться к работе М. де Серто «Изобретение повседневности», которая известна введением в социальные и гуманитарные науки тактико-стратегического подхода. Французский исследователь отмечает, что для реализации стратегического подхода требуется устойчивость и выраженный субъект воли и власти. Более того, когда мы говорим о стратегии, мы предполагаем наличие некоторого места. Это место не только обозначено как ограниченное и собственное, но и становится точкой отсчета в построении управленческих связей с внешними пространствами, которые репрезентируют цели и угрозы. Таким образом стратегии направлены на разнородных акторов: от клиентов и врагов, населенных пунктов и субурбий, до объектов и задач исследования [Серто М. де, 2013, с. 109]. Мы можем сделать вывод, что для человека в повседневных практиках в рамках постконфликтной ситуации и пребывании в «неместе» описанный стратегический подход не является подходящим. На наш взгляд, для человека в постконфликтной ситуации более актуальной будет предложенная Серто концепция тактик, которые он определяет как действие, которое можно рассчитать, находясь в ситуации отсутствия собственного места; при этом не осуществляется отграничения от внешнего пространства, которое в иных ситуациях обеспечивает автономность. При использовании тактики всегда остается место для другого, поэтому она использует территорию в той форме, какой она организована другими субъектами, обладающими силой [Серто М. де, 2013, с. 110]. Тактика изворотлива, изобретательна, сиюминутна и мобильна. Она не работает с устоявшимися структурами, позволяет реагировать на вызовы здесь и сейчас, в конкретных обстоятельствах, предоставляя индивиду возможность извлекать личную выгоду. Безусловно, стратегии имеют возможность разграничивать, производить и

навязывать пространства, но в тактиках у человека остается перспектива использования, пересборки и манипуляции этими пространствами [Серто М. де, 2013, с. 101].

Конфликтная и постконфликтная ситуация может стать причиной различных типов перемещения, и чаще всего эти перемещения являются вынужденными. В современных зарубежных исследованиях миграцию подразделяют на добровольную и вынужденную, в свою очередь, в рамках вынужденной миграции современными авторами выделяются [Channa Z.H. et al., 2023] различные категории мигрантов, основываясь на экономических, политических и социальных факторах. К первой категории относят беженцев. Беженцами, согласно определению ООН от 1951 г., принято считать лиц, которые живут за пределами страны, гражданство которой они имеют, не имея возможности или желания вернуться в силу преследования по различным признакам. Ко второй категории относят лиц, ищущих убежища. Это люди, которые перешли международную границу и покинули страну, где у них имеется гражданство, в поисках защиты. Это соответствует Конвенции о статусе беженцев 1951 г., но подобного статуса у этих людей нет, поскольку их заявление о предоставлении указанного статуса находится на рассмотрении. К третьей категории причисляют внутренне перемещенных лиц, к которым относят большие по численности группы людей, вынужденные внезапно или неожиданно покинуть свои дома в результате вооруженных конфликтов, внутренних государственных проблем, систематических нарушений прав человека, природных или техногенных катастроф, но при этом они остаются на территории своей страны. В этой категории представлены люди, перемещенные вследствие политики или проектов, реализованных с целью «развития территории», к этому можно отнести масштабные инфраструктурные проекты, инициативы по расчистке городов, добычу полезных ископаемых и вырубку лесов, создание парков/заповедников и биосферные проекты. К четвертой категории причисляют лиц, перемещенных по причине экологических проблем и стихийных бедствий, т.е. мигрировавших в рамках территории своей страны в результате стихийных бедствий, изменения окружающей среды, техногенных катастроф, промышленных

аварий, радиоактивного загрязнения. Еще к одной группе вынужденных мигрантов относятся люди, незаконно ввезенные на территорию государства, которых перевозят с целью получения прибыли. Эти люди хоть и выступают как участники подобного бизнеса, но зачастую обладают меньшими правами, чем те, кто организуют их перемещение, а также подвержены различным опасностям и эксплуатации. К последней категории вынужденных мигрантов относят людей, ставших жертвами торговли людьми. Они зачастую не имеют физической возможности покинуть новую страну пребывания, такого человека могли принудить к миграции, связав финансовыми обязательствами или угрозами насилия [Channa Z.H. et al., 2023, p. 94–95].

Ситуация военных конфликтов и мировых войн может стать причиной появления различных форм миграции населения, и, более того, практически любой формы вынужденной миграции. Люди, вовлеченные в той или иной форме в военные действия, неизбежно сталкиваются с изменениями своего социального пространства. В свою очередь, эти изменения связаны с короткой или продолжительной практикой пребывания в «неместах». Исходя из этого, у нас возникает вопрос, какие пространственные тактики доступны человеку в постконфликтной ситуации, характеризующейся пребыванием в «неместах»? На наш взгляд, их две: «тактика неподвижности» и «тактика временной укорененности».

Неподвижность (англ. stillness) и укорененность на сегодняшний день являются одними из аспектов изучения пространств мобильности. Начавшись с «неудовлетворенности в отношении валоризации форм неподвижности-укорененности и оседлого образа жизни», исследование неподвижности в теориях мобильности позволило открыть новые аспекты в практиках перемещения [Cresswell T., 2012, p. 648]. И если в современных теориях неподвижность рассматривалась изначально как «потраченный впустую момент или как пустота и бездействие» [Cresswell T., 2012, p. 648], то теперь мы можем говорить о неподвижности как праве на несовершенство действия, праве не перемещаться, возможности если не сформировать, то осмыслить вероятности конструирования

новых «здесь и сейчас» пространственных связей.

Подобную тактику поведения можно реализовать через ряд вполне привычных повседневных практик, позволяющих пребывать в неподвижности/спокойствии, либо комплексе ощущений, свойственных состоянию неподвижности, не пребывая в нем, например, с помощью музыки, книг, гаджетов, различного рода «огораживаний» с помощью вещей и одежды. Не случайно такие места неподвижности/спокойствия представлены в границах, и именно границы играют ключевую роль в современных исследованиях мобильности [Cresswell T., 2012, p. 649]. Неподвижность дает шанс на стабильность, необходимую человеку, лишенному жизненных оснований, а также на формирование базовых личных границ. Также мы можем рассматривать неподвижность как возможность перейти к следующему шагу — первичной, временной укорененности. Такая укорененность, на наш взгляд, характеризуется более устойчивыми границами и пространственными практиками, которые позволяют не только определить «свое место», но и воспроизвести «домашние» практики, позволяющие найти психоэмоциональную и даже физиологическую устойчивость в новой постконфликтной повседневности. К таким практикам можно отнести небольшие привычные ритуалы (выпитая с утра чашка кофе, чтение новостей, сидя в кресле или на диване), прослушивание музыки и просмотр фильмов из родных мест, возможность приготовить привычные блюда, организовывать пространства для сна и отдыха в привычном порядке. Например, в немецких общинах спецпереселенцев Урала после Второй мировой войны немцы смогли «сохранить свою конфессиональную идентичность и некоторые основы календарной обрядности в семье» [Киссер Т.С., 2019, с. 122]. Также следует упомянуть и коммуникацию на родном немецком языке, хотя эта практика и становилась все менее значимой с каждым последующим поколением. Со схожим опытом утраты привычного пространства столкнулось не только немецкое население СССР, но и немцы в Германии во время Второй мировой войны, как при наступлении армий, так и после войны в рамках вынужденной миграции по территории четырех оккупационных зон.

Описывая свой детский опыт эвакуации и временного возвращения на родную ферму, участники тех событий отмечают, что они столкнулись не только с временной потерей дома, но и по возвращению в родные места поняли, что утрачены результаты их личного труда, потеряно ощущение безопасности, которым характеризуется домашнее пространство, а внешние повреждения дома как объекта постоянно напоминали о его хрупкости [Hughes V., 2016, p. 30]. Но все же элементы прошлой жизни позволяли ощущать причастность к конкретному месту. Дальнейшая же послевоенная миграция лишила людей и привычной общинной коммуникации, которая была связана не только с языком, но и системой коллективной поддержки. Переселенные в тесные и некомфортные условия, люди стали идеализировать образ своего прошлого дома, которого больше не было, т.е. представления о новом доме строились с отсылкой на несуществующий идеальный и романтизированный образ [Hughes V., 2016, p. 32]. Для этих людей возможностями для адаптации в новом пространстве становились включения в местные ассоциации, занятие привычным видом деятельности (сельским хозяйством), появление новых семей и детей.

Если же мы обратимся к бытоописанию, представленному в фронтовых письмах Великой Отечественной войны, то описания жизни в блиндаже вполне будут соответствовать приведенному выше описанию «немест»: «внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. <...> Спим рядышком, понятно — не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда “Рассчет, к оружию!”» [Сенявская Е.С., 1997, с. 144], при этом в своих обращениях к близким Ю.И. Каминский (отрывок его письма к брату приведен ранее) главной просьбой отмечает письма и возможность доступа к книгам, которые выступают главным напоминаем о жизни вне фронта, а также «мирными» практиками, которые можно воспроизвести даже в рамках ограниченной окопной жизни. Таким образом, возможность воспроизведения элементов ста-

рого доконфликтного существования задает перспективу существования в новом послевоенном или постконфликтном мире.

Повседневная жизнь человека неразрывно связана с различными местами: рабочими, учебными пространствами, транспортом, некоторые из них образуют прочные психоэмоциональные связи и практики, становясь местом особого порядка, как это происходит, например, с домом. В свою очередь, опыт переживания военного конфликта связан со многими потрясениями, к которым относится в том числе утрата собственных мест и домов. Мы видим, что постконфликтная ситуация характеризуется не только разнообразными формами вынужденной миграции людей, но и формированием особых форм социального пространства — «немест». Люди, переживающие опыт пребывания в подобных «неместах», формируют персональные практики адаптации и нормализации повседневности, которые выражаются в «тактиках неподвижности» и тактике «временной укорененности». Эти тактики могут выражаться не только в восстановлении групповой коммуникации, своего социального и экономического статуса, но и, казалось бы, в совсем незначительных мелочах — использовании привычных предметов быта, письмах или выпитой чашке чая.

Выражение признательности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00851).

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) (project No. 23-18-00851).

Список литературы

- Абакумова И.В., Рядинская Е.Н. Особенности постконфликтного восстановления: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 4(38). С. 208–214.
- Айерман Р. Социальная теория и травма / пер. Д.О. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 1. С. 121–138.
- Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017.

№ 425. С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/425/10>

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Киссер Т.С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 372 с.

Кропачев С.А. Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23(238). С. 100–103.

Левевер А. Производство пространства / пер. с фр. И.К. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

Макалаков Т.Ж., Шотбакова Л.К. Зарубежная историография проблемы адаптации народов Северного Кавказа, насильственно переселенных в Казахстан в 40-х гг. XX века // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2022. № 4(108). С. 135–141. DOI: <https://doi.org/10.31489/2022hph4/135-141>

Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

Сенявская Е.С. Человек на войне. Психолого-исторические очерки. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 232 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д.Я. Калугина, Н.С. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

Черепанова Е.С. Философия конфликта: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 196 с.

Channa Z.H., Pathan P.A., Shaikh E.Kh.Z. Migration: Concept, Types & Rational // Journal of Grassroot. 2023. Vol. 50, no. 2. P. 90–101.

Cresswell T. Mobilities II: Still // Progress in Human Geography. 2012. Vol. 36, iss. 5. P. 645–653. DOI: <https://doi.org/10.1177/0309132511423349>

Cresswell T. On the move: Mobility in the Modern Western World. N.Y.: Taylor & Francis Group, LLC, 2006. 340 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203446713>

Hughes V. Narrating «Home»: Experiences of German Expellees after the Second World War // Refuge. 2016. Vol. 32, no. 1. P. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25071/1920-7336.40381>

References

Abakumova, I.V. and Ryadinskaya, E.N. (2016). [The specific features of a post-conflict reconstruction: domestic and foreign experience]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev]. No. 4(38), pp. 208–214.

Aierman, R. (2013). [Social theory and trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 12, no. 1, pp. 121–138.

Anikin, D.A. and Golovashina, O.V. (2017) [Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 425, pp. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/425/10>

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. St. Petersburg: Piter Publ., 240 p.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat'* [The practice of everyday life]. St. Petersburg: European University Publ., 330 p.

Channa, Z.H., Pathan, P.A. and Shaikh, E.Kh.Z. (2023). Migration: Concept, types & rational. *Journal of Grassroot*. Vol. 50, no. II, pp. 90–101.

Chrepanova, E.S. (2016). *Filosofiya konflikta* [Philosophy of conflict]. Yekaterinburg: UFU Publ., 196 p.

Cresswell, T. (2012). Mobilities II: Still. *Progress in Human Geography*. Vol. 36, iss. 5, pp. 645–653. DOI: <https://doi.org/10.1177/0309132511423349>

Cresswell, T. (2006). *On the move: Mobility in the Modern Western World*. New York: Taylor & Francis Group Publ., 340 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203446713>

Filippov, A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 290 p.

Hughes, V. (2016). Narrating «Home»: Experiences of German Expellees after the Second World War. *Refuge*. Vol. 32, no. 1, pp. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25071/1920-7336.40381>

Kisser, T.S. (2019). *Nemtsy Urala: etnoistoriya i identichnost'* [Germans of the Urals: Ethnohistory and identity]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 372 p.

Kropachev, S.A. (2011). [Modern Russian historiography of deportations of the peoples of the USSR during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 23(238), pp. 100–103.

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press, 432 p.

Makalakov, T.Zh. and Shotbakova, L.K. (2022). [Foreign historiography of the problem of adaptation of the peoples of the North Caucasus, forcibly resettled in Kazakhstan in the 40s. XX century]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Sariya: Istoria. Filosofiya* [Bulletin of the Karaganda University. «History. Philosophy» series] No. 4(108), pp. 135–141. DOI: <https://doi.org/10.31489/2022hph4/135-141>

Plessner, H. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Lev-

els of organic life and the human: an introduction to philosophical anthropology]. Moscow: ROSSPEN Publ., 368 p.

Senyavskaya, E.S. (1997). *Chelovek na voyne. Psikhologo-istoricheskie ocherki* [A man at war. Psychological and historical essays]. Moscow: IRH RAS Publ., 232 p.

Urry, J. (2012). *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis Publ., 576 p.

Об авторе

Сатыбалдина Диана Кайратовна

ассистент кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики
и теории культуры

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: diasatru@gmail.com
ResearcherID: ACM-6680-2022

About the author

Diana K. Satybaldina

Assistant Lecturer of the Department
of History of Philosophy, Philosophical Anthropology,
Aesthetics and Theory of Culture

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: diasatru@gmail.com
ResearcherID: ACM-6680-2022